

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 316.62

НАПРАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИРУЕМОЙ ЭМИГРАЦИИ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ, КАЗАХСТАНА И РОССИИ

Н. В. Муращенко

Москва, НИУ ВШЭ

(e-mail: ncel@yandex.ru)

В. В. Гриценко

Москва, МГППУ

(e-mail: gritsenko2006@yandex.ru)

М. Н. Ефременкова

Москва, МГППУ

(e-mail: mnemema@yandex.ru)

Аннотация. Представлены результаты эмпирического психологического исследования, целью которого стал сравнительный анализ географических направлений и особенностей планируемого эмиграционного поведения у студенческой молодежи стран постсоветского пространства: Беларуси, Казахстана и России. Применялся разработанный авторский опросник «Планируемое эмиграционное поведение». Результаты исследования могут быть использованы специалистами в сфере молодежной политики трех стран.

Ключевые слова: эмиграция, планируемое эмиграционное поведение, эмиграционное намерение, студенческая молодежь, белорусские студенты, казахстанские студенты, российские студенты.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-013-00156 «Социально-психологическое пространство эмиграционных намерений молодежи: кросс-культурный анализ».

DIRECTIONS AND FEATURES OF PLANNED EMIGRATION AMONG STUDENT YOUTH FROM BELARUS, KAZAKHSTAN AND RUSSIA

N. V. Murashchenkova

Moscow, HSE University

V. V. Gritsenko, M. N. Efremenkova

Moscow, Moscow State University of Psychology & Education

Abstract. The article describes the results of psychological study. The aim of the study is a comparative analysis of geographical directions and features of planned emigration behavior among students from the post-Soviet countries (Belarus, Kazakhstan and Russia). The author's questionnaire «Planned emigration behavior» was used. The results of the study can be used by specialists in the field of youth policy from three countries.

Key words: emigration, planned emigration behavior, emigration intention, student youth, Belarusian students, Kazakhstani students, Russian students.

The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-013-00156 «Social and psychological space of emigration intentions of youth: cross-cultural analysis».

Образованная молодежь – это ценный ресурс любого общества, сохранение которого значимо для перспективного успешного развития страны. В современную эпоху цифровой глобализации образованная молодежь все чаще обращается к эмиграции как средству достижения целей [11], особенно на этапе поиска работы и трудоустройства в процессе обучения и/или сразу после получения диплома [7]. Изучение эмиграционной активности молодежи разных стран, анализ направлений, особенностей и факторов планируемой эмиграции – важная научная задача, помогающая понять, что стимулирует образованных молодых людей к переезду за границу, а также оценить силу влияния этих предикторов в различных социокультурных контекстах. Планируемое эмиграционное поведение может быть рассмотрено с позиции теории запланированного поведения А. Айзена [5; 6; 8]. Исходя из данной теории, фактором готовности человека к эмиграционному поведению является эмиграционное намерение, на которое, в свою очередь, влияют аттитюды в отношении эмиграции (позитивная или негативная оценка планируемого поведения человеком), воспринимаемые нормы в отношении эмиграции (мнение индивида по поводу ожиданий значимых других относительно планируемого поведения и готовность им соответствовать), а также – воспринимаемый поведенческий контроль (показатель того, насколько легким или сложным кажется субъекту процесс реализации запланированного поведения). Теория планируемого поведения А. Айзена – это одна из наиболее эмпирически подтвержденных на примерах различных видов поведения теорий [4]. По результатам зарубежных исследований в среднем эмиграционное поведение объясняется эмиграционными намерениями в 30-34% случаев [12; 13].

Целью нашего исследования стал сравнительный анализ основных направлений и особенностей планируемой эмиграции у студенческой молодежи трех стран постсоветского пространства (Беларуси, Казахстана и России), сохранивших тесные экономические и культурные связи, язык, и схожие линии молодежной политики [1; 2; 9]. Проблема сохранения молодежи для этих стран является особенно актуальной. За период с 2010 по 2021 годы в Беларуси, Казахстане и России значительно снизилась доля молодежи от 15 до 29 лет в общей численности населения [2, с. 23-24]: с 22,7% до 16,0 % в России, с 27,8% до 20,5% в Казахстане и с 22,6% до 16,0% в Беларуси. Это обусловлено в том числе и ростом международной мобильности молодежи. В 2019 году по данным Статкомитета СНГ из России эмигрировали 401 тыс. человек, из которых 138 тыс. человек (34,4%) пришлось на молодежь в возрасте от 15 до 29 лет; из Беларуси уехали соответственно 26 тыс. человек (9,4 тыс. человек (36,2%) из которых – это молодежь от 15 до 29 лет), из Казахстана – 39,8 тыс. человек (9,4 тыс. молодых людей от 15 до 29 лет (24,0%)) [2].

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 658 студентов университетов-граждан Беларуси ($N=208$, $M=19,8$, $SD=1,91$, 75% - девушки), Казахстана ($N=200$, $M=20,5$, $SD=1,89$, 74% - девушки) и России ($N=250$, $M=20,0$, $SD=1,51$, 75% – девушки). Это были студенты гуманитарного, технического и экономического направлений обучения из вузов Витебска, Гродно, Минска (Беларусь), из Нур-Султана, Павлодара, Усть-Каменогорска (Казахстан), а также из Москвы, Омска, Пензы, Санкт-Петербурга, Смоленска и Хабаровска (Россия). Возраст респондентов варьировал от 18 до 25 лет, все участники исследования были русскоговорящими: 94% студентов из Беларуси идентифицировали себя как белорусы по этнической принадлежности, 54% студентов-казахстанцев отнесли себя к казахам, 87% студентов из России отнесли себя к русским.

Процедура исследования. Сбор данных осуществлялся с января 2021 по апрель 2021 года в ходе анонимного онлайн-опроса с использованием платформы anketolog.ru, на которой размещалась авторская онлайн-анкета. Ссылка на онлайн-анкету распространялась среди студентов трех стран преподавателями университетов. Участие в опросе было добровольным, вознаграждение за участие не предусматривалось.

Инструментарий исследования. Для оценки компонентов планируемого эмиграционного поведения на основе теории планируемого поведения А. Айзена и рекомендаций, сформулированных в соответствии с базовыми положениями теории [5; 6; 8], был разработан авторский опросник «Планируемое эмиграционное поведение». Он включает 14 утверждений, степень согласия с которыми респондентам предлагается выразить по 6-и балльной шкале (от 1 – абсолютно не согласен(на) до 6 – абсолютно согласен(на)). Утверждения объединены в 5 шкал. Обработка результатов предполагает подсчет средних значений по шкалам. Шкала «Эмиграционное намерение» (α -Кронбаха $>0,8$ для каждой из трех групп) содержит 3 утверждения: «я планирую в ближайшие 5 лет переехать жить в другую страну», «я хочу в ближайшие 5 лет переехать жить в другую страну», «я готов в ближайшие 5 лет переехать за границу». Шкала «Аттитюды в отношении эмиграции» (α -Кронбаха $>0,8$) включает утверждения «для меня решение переехать за границу в ближайшие 5 лет умное», «для меня решение переехать за границу в ближайшие 5 лет приятное», «для меня решение переехать за границу в ближайшие 5 лет полезное». Шкала «Воспринимаемые нормы» (α -Кронбаха $>0,8$) состоит из следующих утверждений: «большинство значимых для меня людей считают, что мне следует переехать жить за границу», «члены моей семьи хотят, чтобы я переехал(а) жить за границу», «большинство моих друзей считают, что мне следует переехать жить за границу». Шкала «Воспринимаемый контроль» включает 2 утверждения (α -Кронбаха $>0,7$): «переехать жить за границу в моих силах», «если я захочу, я смогу переехать жить в другую страну». Шкала «Поведение по реализации эмиграционного намерения» (α -Кронбаха $>0,8$) содержит утверждения «я уже активно разрабатываю план действий для переезда за границу»,

«в настоящее время я стараюсь получить как можно больше информации из разных источников о стране предполагаемого переезда» и «я уже активно взаимодействую с теми, кто может помочь мне переехать за границу». Мы указали в утверждениях опросника пятилетний интервал реализации эмиграционных интенций, что связано с особенностями студенческой выборки. Так мы постарались учесть временной интервал окончания вузовского обучения и исключить воздействие на ответы респондентов фактора необходимости окончания начатого в стране проживания обучения.

Мультигрупповой конфирматорный факторный анализа структуры опросника «Планируемое эмиграционное поведение», проведенный с участием 3-х групп студентов из Беларуси, Казахстана и России, продемонстрировал наличие трех типов инвариантности (конфигурационной, метрической и скалярной), что позволило сравнивать связи между компонентами планируемого эмиграционного поведения у студентов трех стран, а также средние значения этих показателей. Статистики согласия мультигрупповой модели были следующими (через слеш представлены показатели моделей конфигурационной/метрической/скалярной инвариантности соответственно): CFI=0,953/0,952/0,944; RMSEA=0,046/0,045/0,045; PCLOSE=0,911/0,964/0,942; $\chi^2=497,586/523,778/602,983$; $df=210/228/256$; $p=0,000/0,000/0,000$.

Дополнительно респондентам предлагалось в соответствии с 6-и балльной шкалой оценить характер предполагаемой эмиграции (утверждения «я планирую в ближайшие 5 лет переехать жить за границу навсегда» и «я планирую в ближайшие 5 лет переехать жить за границу на время»), а также указать страну предполагаемого переезда («Если у Вас есть намерение в ближайшие 5 лет переехать жить за границу, укажите, пожалуйста, в какую страну Вы собираетесь уехать? Если собираетесь уезжать, но страну еще не выбрали – выберите вариант «затрудняюсь ответить». Если не собираетесь переезжать в другую страну – выберите вариант «не планирую переезжать»).

Для обработки данных использовалась программа IBM SPSS Statistics 23. Были проанализированы описательные статистики, проводился частотный анализ и анализ различий по t-критерию Стьюдента.

Результаты исследования. В таблице 1 представлено соотношение студентов из трех стран, ориентированных на временную и постоянную эмиграцию (табл. 1).

Таблица 1 – Соотношение численности студентов из Беларуси, Казахстана и России, ориентированных на временную и постоянную эмиграцию (% респондентов от общего числа студентов в каждой группе)

Утверждения анкеты, отражающие характер планируемой эмиграции	Студенты из Беларуси, N=208	Студенты из Казахстана, N=200	Студенты из России, N=250
«Я планирую в ближайшие 5 лет переехать жить за границу <i>на время</i> »	19,2%	20,0%	18,0%

«Я планирую в ближай- шие 5 лет переехать жить за границу <i>навсегда</i> »	15,9%	19,5%	8,8%
---	-------	-------	------

Примечания: учтены только те респонденты, которые выбрали ответы «согласен(на)» или «абсолютно согласен(на)», выражая степень своего согласия с утверждениями; не учтены те, кто был не согласен с данными утверждениями («абсолютно не согласен(на)», «не согласен(на)» и «скорее не согласен(на)») и выражал сомнения («скорее согласен(на)»).

Таблица 2 демонстрирует географические направления планируемой студентами Беларуси, Казахстана и России эмиграции, а также численное соотношение планирующих и не планирующих переезд за границу студентов в выборках трех стран (табл. 2).

Таблица 2 – Географические направления планируемой эмиграции (% выборов от общего числа студентов в каждой группе) и соотношение численности планирующих и не планирующих эмиграцию студентов Беларуси, Казахстана и России

Направление планируемой эмиграции	Студенты из Беларуси, N=208	Студенты из Казахстана, N=200	Студенты из России, N=250
<i>Абхазия</i>			0,4
Австрия	0,5	0,5	
<i>Аргентина</i>			0,4
<i>Бали</i>	0,5		
Великобритания		0,5	1,2
Германия	3,4	4,5	3,2
Голландия	0,5	1,0	0,8
<i>Грузия</i>			0,4
Европа	0,5	1,5	0,8
Израиль	1,0		0,4
<i>Ирландия</i>			0,4
<i>Исландия</i>		0,5	
Испания	2,4	0,5	1,6
Италия	3,4	0,5	2,0
<i>Казахстан</i>			0,4
Канада	3,8	3,5	3,2
<i>Китай</i>	0,5		
<i>Латвия</i>			0,4
<i>Литва</i>	0,5		
<i>Малайзия</i>		0,5	
<i>Молдова</i>			0,4
<i>Новая Зеландия</i>	0,5		
Норвегия	1,4	0,5	
ОАЭ		0,5	0,4
Польша	4,8		0,8
Россия	5,8	8,5	
<i>Сингапур</i>			0,8
<i>Словения</i>		0,5	
США	2,4	7,0	4,0
<i>Турция</i>		4,0	

Украина	0,5		
Финляндия	0,5	0,5	
Франция	0,5		1,6
Черногория			0,4
Чехия	1,9	1,0	1,6
Швейцария	1,0	0,5	1,2
Швеция			1,2
Эстония		0,5	
Южная Корея	0,5		0,4
Япония	0,5	1,5	0,4
% респондентов, планирующих переезд и указавших направление(я) планируемой эмиграции	31,3	32,0	26,8
% респондентов, планирующих переезд, но затруднившихся указать направление(я) планируемой эмиграции	34,1	33,0	34,4
% респондентов, не планирующих переезжать за границу	34,6	35,0	38,8

Примечания: каждый респондент имел возможность указать несколько направлений планируемой эмиграции; курсивом выделены направления, указанные только в одной группе студентов, полужирным шрифтом – во всех трех группах.

В таблице 3 представлены различия в выраженности компонентов планируемого эмиграционного поведения у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России (табл. 3).

Таблица 3 – Различия в показателях планируемого эмиграционного поведения у студентов Беларуси, Казахстана и России (t-критерий Стьюдента)

Переменные	Белорусские студенты	Казахстанские студенты	Российские студенты
	М (SD)	М (SD)	М (SD)
Аттитюды в отношении эмиграции	4,36(1,25)	4,28(1,31)	4,46(1,10)
Воспринимаемый контроль в отношении эмиграции	3,85(1,38)	4,09(1,39)	3,85(1,33)
Эмиграционное намерение	3,26(1,50) p*	3,26(1,61) p*	2,97(1,38) б*, к*
Воспринимаемые нормы в отношении эмиграции	2,93(1,52) p***	2,87(1,52) p**	2,40(1,27) б***, к**
Поведение по реализации эмиграционного намерения	2,56(1,35) p**	2,53(1,45) p*	2,20(1,21) б**, к*

Примечания: компоненты планируемого эмиграционного поведения упорядочены в таблице по убыванию согласно средним значениям; p - статистически значимые различия с россиянами; б - статистически значимые различия с белорусами; к - статистически значимые различия с казахстанцами; * p < 0,05, ** p < 0,01, *** p < 0,001.

Обсуждение результатов. Согласно полученным данным, среди студентов из России значительно больше тех, кто ориентирован на временную, а не на постоянную эмиграцию. Среди белорусских и казахстанских студентов данная тенденция не выявлена: численность белорусских и ка-

захстанских студентов, планирующих переезд за границу на время и навсегда, практически одинакова.

Количество студентов, имеющих эмиграционные намерения, достаточно велико во всех трех группах: 65,4% среди белорусов, 65,0% среди казахстанцев и 61,2% среди россиян. Подчеркнем, что в данном случае молодые люди демонстрировали эмиграционные намерения в условиях пандемии (январь-апрель 2021 г.), когда во многих странах были введены ограничения на въезд. О серьезности эмиграционных намерений студенческой молодежи свидетельствует также тот факт, что значительное число респондентов уже определились со страной предполагаемого переезда (31,3% белорусских студентов, 32,0% казахстанских студентов и 26,8% российских студентов). Преобладающими географическими направлениями планируемой эмиграции для студентов трех стран выступают европейское и североамериканское направления. Однако, у белорусских, казахстанских и российских студентов существуют различия в страновых предпочтениях внутри данных направлений.

Наибольшую выраженность у студентов Беларуси, Казахстана и России имеют такие факторы планируемого эмиграционного поведения, как позитивное отношение к эмиграции (аттитюды) и уверенность в своей способности реализовать эмиграционное намерение (воспринимаемый поведенческий контроль). В меньшей степени молодые респонденты из этих стран уверены в том, что значимые для них люди позитивно оценивают эмиграционное поведение и хотели бы, чтобы респонденты переехали жить за границу. Помимо этого, выраженность эмиграционных намерений у студенческой молодежи трех стран выше, нежели выраженность поведения по реализации этих намерений. Данная тенденция была зафиксирована нами и в предыдущем исследовании [3], а также описана в работах зарубежных ученых [10]: среди молодежи, тех, кто действительно *готовится к эмиграции и осуществляет ее*, гораздо меньше, чем тех, кто *имеет желание* переехать за границу.

Анализ различий продемонстрировал также, что у студентов из Беларуси и Казахстана, в сравнении со студентами из России, в большей степени выражены эмиграционные намерения, поведение по их реализации, а также представления об одобрении их возможного переезда со стороны значимых других (воспринимаемые нормы в отношении эмиграции). У белорусских и казахстанских студентов по данным параметрам статистически значимых различий не обнаружено.

Заключение. Выявлены различия в характере и географических направлениях планируемой эмиграции, а также в выраженности компонентов планируемого эмиграционного поведения у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России. Число планирующих переезд за границу среди студентов Беларуси, Казахстана и России достаточно велико (более 60% опрошенных в каждой из групп), что подтверждает актуальность и

практическую значимость научной работы по изучению эмиграционной активности молодежи.

Проведенное исследование имеет ряд ограничений: в выборке преобладают девушки; эмпирические данные получены на основании самоотчетов; онлайн-опрос, наряду со значительным числом преимуществ, имеет и ряд недостатков, как например – отсутствие внешнего контроля за процессом и условиями заполнения анкеты. Однако, несмотря на данные ограничения, результаты исследования могут быть использованы специалистами в сфере молодежной политики Беларуси, Казахстана и России.

Список использованных источников:

1. Айтжанова Д. Н. Основные этапы институализации государственной молодежной политики Российской Федерации и Республики Казахстан // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 1(17). С. 149-157. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.1.149–157.
2. Молодежь в Содружестве Независимых Государств: стат. портрет / Статкомитет СНГ, ЮНФПА. М.: 2021. 166 с.
3. Муращенкова Н.В. Взаимосвязь ценностей и эмиграционных намерений студенческой молодежи г. Смоленска // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 1. С. 77–93. DOI: 10.17759/sps.2021120106.
4. Рассказова Е. И., Иванова Т. Ю. Мотивационные модели поведения, связанного со здоровьем: проблема «разрыва» между намерением и действием // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 1. С. 105–130.
5. Ajzen I. Constructing a TPB questionnaire: Conceptual and methodological considerations. 2002. [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.people.umass.edu/aizen/pdf/tpb_measurement.pdf (дата обращения: 10.08.2022).
6. Ajzen I. The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 1991. Vol. 50, no. 2, pp. 179–211. DOI: 10.1016/0749-5978(91)90020-T.
7. De Jong P.W., Fonseca M.L. The role of the origin country in migration aspirations: A cross-national comparison of Master students in Portugal and the Netherlands. *Population Space and Place*, 2020. Vol. 26, no. 5, pp. 1–14. DOI: 10.1002/psp.2325.
8. Fishbein M., Ajzen I. *Predicting and changing behaviour: The reasoned action approach*. N.Y.: Psychology Press, 2010.
9. Silvan K. Youth policy practice in post-Soviet Russia and Belarus: past and present // Мир России. Социология. Этнология. 2019. Т. 28 № 1. С. 161-171. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-161-171.
10. Tabor, A. S., Milfont, T. L., & Ward, C. (2015). The Migrant Personality Revisited: Individual Differences and International Mobility Intentions. *New Zealand Journal of Psychology*, 44(2), 89–95.
11. Thulin E., Vilhelmson B. The Internet and Desire to Move: The Role of Virtual Practices in the Inspiration Phase of Migration. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, 2016. Vol. 107, no. 3, pp. 257–269. DOI: 10.1111/tesg.12144.
12. Van Dalen H., Henkens K. Explaining emigration intentions and behaviour in the Netherlands, 2005- 10 // *Population Studies*. 2013. Vol. 67. No. 2. P. 225–241. DOI:10.1080/00324728.2012.725135 35.
13. Williams A.M., Jephcote C., Janta H., Li G. The migration intentions of young adults in Europe: A comparative, Multi-level analysis // *Popul Space Place*. 2018. No. 24. P. 21–23. DOI:10.1002/psp.2123.